

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI: 10.25178/nit.2026.3.18

Статья

Экзистенциальная проблематика человеческого бытия в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита

Шынгыс А. Умбетаев, Алуа Б. Темирболат

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Республика Казахстан

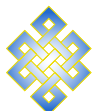
В статье анализируется поэзия двух авторов тюркоязычных народов — казах Шакарима Кудайбердиева и тувинца Эдуарда Мижита — в контексте экзистенциального психологизма И. Ялома и его концепции «четырех данностей бытия». Исследование направлено на выявление способов художественного осмысления фундаментальных категорий человеческого существования — свободы выбора, одиночества, смерти, поиска смысла жизни в творчестве и в системе нравственных ценностей казахского и тувинского писателей. Произведения анализируются с точки зрения их философско-эстетических взглядов, этнокультурных традиций, в рамках которых формировалось и развивалось их литературное наследие.

Сопоставляются поэтические стратегии осмысления фундаментальных данностей бытия в определении национально обусловленных форм выражения предельного личного опыта в произведениях, выявляются типологические сходства и различия в интерпретации экзистенциальных проблем в творчестве поэтов.

Установлено, что экзистенциальный психологизм является ключевым элементом произведений поэтов. В творчестве рассмотренных авторов наблюдается общность философской проблематики при различии художественных моделей ее выражения, обусловленных историческим опытом и культурными традициями, в рамках которых формировались их эстетические взгляды и мировоззрение. При этом в лирике Ш. Кудайбердиева фундаментальные данности осмысляются преимущественно через этическую проблематику, нравственный выбор и идею духовного самосовершенствования личности. В поэзии Э. Мижита доминируют интроспекция, переживание абсурдности бытия, онтологическая тревога и мотивы одиночества, на уровне которых его произведения сближаются с психологической интерпретацией экзистенциального опыта.

Ключевые слова: казахская литература; тувинская литература; экзистенциальный психологизм; Шакарим Кудайбердиев; Эдуард Мижит

Для цитирования:

Умбетаев Ш. А., Темирболат А. Б. Экзистенциальная проблематика человеческого бытия в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 306-324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.18>

Умбетаев Шынгыс Амантаевич — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: shyngys.amantay@gmail.com

Темирболат Алуа Берикбайкызы — доктор филологических наук, профессор кафедры казахской литературы и теории литературы Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: aluatem2015@gmail.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Existential Issues of Human Existence in the Poetry of Shakarim Kudayberdiuly and Eduard Mizhit

Shyngys A. Umbetayev, Alua B. Temirbolat

Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the poetry of two authors from Turkic-speaking peoples, the Kazakh writer Shakarim Kudayberdiuly and the Tuvan poet Eduard Mizhit, in the context of Irvin Yalom's existential psychologism and his concept of the "four givens of existence." The study aims to identify the ways in which fundamental categories of human existence — freedom of choice, loneliness, death, and the search for the meaning of life in artistic creativity and in the system of moral values — are conceptualized in the works of the Kazakh and Tuvan authors. Their works are examined in terms of their philosophical and aesthetic views and the ethnocultural traditions within which their literary legacy was formed and developed.

The article compares poetic strategies for comprehending the fundamental givens of existence, focusing on nationally conditioned forms of expressing ultimate personal experience in the authors' works, and reveals typological similarities and differences in the interpretation of existential problems in their poetry.

The study establishes that existential psychologism is a key element in the poets' works. In the writings of the authors considered, there is a commonality of philosophical problematics alongside differences in the artistic models of its expression, which are shaped by the historical experience and cultural traditions within which their aesthetic views and worldview were formed. In Sh. Kudayberdiuly's lyric poetry, the fundamental givens are interpreted primarily through ethical problematics, moral choice, and the idea of spiritual self-perfection of the individual. In the poetry of E. Mizhit, introspection, experience of the absurdity of existence, ontological anxiety, and motifs of loneliness predominate, bringing his works closer to the psychological interpretation of existential experience.

Keywords: Kazakh literature; Tuvan literature; existential psychologism; Shakarim Kudayberdiuly; Eduard Mizhit

For citation:

Umbetayev Sh. A. and Temirbolat A. B. Existential Issues of Human Existence in the Poetry of Shakarim Kudayberdiuly and Eduard Mizhit. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 306-324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.18>

UMBETAYEV, Shyngys Amantayevich, Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: shyngys.amantay@gmail.com

ORCID: 0009-0005-4038-4410

TEMIRBOLAT, Alua Berikbaykyzy, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aluatem2015@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7888-8957

Введение

Творчество Шакарима Кудайбердиева (1858–1931) — казахского поэта, философа и мыслителя рубежа XIX–XX вв. и Эдуарда Мижита (1961–2023) — народного писателя Тувы XX–XXI вв., переводчика и общественного деятеля, сформировалось, с одной стороны, в рамках тюркской литературной традиции, сложившейся в условиях кочевого образа жизни и взаимодействия мифологических, религиозных и философских систем; с другой — развивалось в контексте советской литературной парадигмы, оказавшей влияние на особенности восприятия и интерпретации, проблематику, эстетическое содержание и поэтику их произведений. В таком сочетании традиционного и идеологически обусловленного дискурсов формируются специфические модели их художественного мышления и репрезентации человеческого бытия. Для казахской культуры большое значение имели идеи ислама. Они пронизывают произведения Ш. Кудайбердиева. В советскую эпоху наследие казахского поэта-мыслителя было предано забвению. Его философско-эстетические взгляды, стремление к духовности, поиски истины и смысла жизни подверглись жесткой критике. Для тувинской культуры значимыми оставались шаманизм и буддизм, переосмысленные Э. Мижитом в культурном контексте исторической эпохи, в которую он жил и творил. В его творчестве органично сочетаются обращение к национальной мифопоэтической традиции и такие черты советской литературной поэтики, как усиленное внимание к социально-этической проблематике, публицистическая направленность, осмысление роли и места человека в контексте общественного развития.

В литературоведении наследие Ш. Кудайбердиева рассматривается в контексте культурно-исторического процесса конца XIX — начала XX в. Исследователями отмечается, что он был «летописцем своей эпохи», а «его творчество — энциклопедией народной жизни». Согласно их точке зрения, поэзия Ш. Кудайбердиева представляет собой философскую лирику, в которой центральное место занимает проблема нравственного выбора и духовной ответственности личности. В его творчестве «переплелись гуманизм и просветительство, религиозность и романтика высоких идеалов, аскетизм и религиозный морализм, высокая нравственность и философское мировидение» (Аубакир, Гайнулина, 2018: 18).

Ш. Кудайбердиев создавал свои произведения на казахском языке, хотя и владел русским языком, активно занимался переводческой деятельностью. Его творчество неразрывно связано с национальной культурой и системой духовных ценностей родного народа.

Э. Мижит характеризуется литературоведами как поэт философского склада. В его творчестве органично сочетаются мифологические представления тувинского народа и традиции русской культуры. Он создавал свои произведения на тувинском и русском языках, что обусловило билингвальный характер его поэтики. Исследователи отмечают присущие его лирике рефлексивность, внутренний драматизм и стремление к метафизическому осмыслению мира. Так, мнению Л. С. Дампиловой, билингвизм поэта расширяет художественные и культурные возможности его творчества, одновременно усиливая внутреннюю напряженность и экзистенциальную проблематику художественного высказывания (Дампилова, 2014: 158).

Актуальность исследования обуславливается необходимостью дальнейшего развития сравнительного изучения тюркских литератур и углубленного анализа философско-экзистенциальной проблематики в национальной поэзии. Творчество Ш. Кудайбердиева рассматривалось в контексте русской культуры. Исследователи отмечают, что влияние на произведения казахского поэта-мыслителя. Ими указывается близость философских воззрений Ш. Кудайбердиева с идеями Л. Н. Толстого (Смагулов, Кенжебекова, 2015). Лирика Э. Мижита рассматривалась с точки зрения проблемы билингвизма, в сравнении с произведениями казахского поэта Б. Кайырбекова. Литературоведами были отмечены близость их эстетических взглядов, структуры и хронотопа их стихотворений (Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020). Тем самым выявлена продуктивность сравнительного изучения творчества писателей. Вместе с тем сопоставительное исследование поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита в аспекте экзистенциальной проблематики до настоящего времени не осуществлялось. Более того, их творчество не рассматривалось в системной связи с концепцией фундаментальных данностей человеческого бытия, разработанной американским ученым-психиатром И. Яломом (Ялом, 2019). Согласно его точке зрения, важнейшими категориями являются смерть, свобода, изоляция и бессмысленность. Данные понятия определяют особенности глубинных внутренних противоречий личности, характеризуют предельные состояния человеческого существования и служат основой для изучения тревоги, ответственности, одиночества и поиска смысла жизни.

Концепция И. Ялома получила применение при интерпретации художественных произведений, в которых экзистенциальные мотивы выступают структурообразующими элементами поэтики. Сквозь призму идей американского ученого, например, осмысляется роман Х. Хамди «Покажись мне, чтобы я мог взглянуть на тебя» (Naghdeali et al., 2025).

Научная новизна работы заключается в сравнительно-сопоставительном изучении произведений казахского и тувинского писателей сквозь призму экзистенциального психологизма, который позволил выявить универсальные и национально-специфические формы художественного отражения предельных вопросов человеческого существования. Впервые поэтическое наследие Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита рассматривается в системной связи с концепцией фундаментальных данностей бытия И. Ялома, и их творчество осмысляется как значимый феномен философско-поэтической традиции казахского и тувинского народов.

Междисциплинарный характер исследования обусловил обращение к таким научным областям, как литературоведение, философия (экзистенциальная философия, философская антропология), психология (экзистенциальная психология).

Проблема работы заключается в определении механизмов репрезентации бытийного опыта в поэзии Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита, в которой философские и психологические проблемы раскрываются не в форме систематизированного учения, а на уровне образности, символики и интонации лирического высказывания. Такой подход позволяет рассматривать их произведения как особую форму мировоззренческой рефлексии, способную зафиксировать переживания личности в культурно обусловленных художественных моделях.

Цель статьи заключается в выявлении и сопоставительном изучении философско-психологических мотивов и художественных способов осмысления экзистенциальной проблематики человеческого бытия в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита, в определении степени их соотнесенности с данностями человеческого бытия, сформулированными в концепции И. Ялома. Объектом исследования являются стихотворения казахского и тувинского писателей. Предмет исследования — философско-психологические мотивы их творчества и художественные способы репрезентации, направленные на осмысление экзистенциальных оснований человеческого бытия.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: 1) определить теоретико-методологические основания анализа экзистенциальной проблематики в художественном тексте на основе философской традиции экзистенциализма и концепции И. Ялома; 2) выявить особенности художественной репрезентации и мировоззренческую функцию категорий бессмысленности и смерти в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита; определить различия подходов писателей к проблеме конечности бытия; 3) проанализировать категории свободы и одиночества как формы экзистенциального самоопределения лирического героя; определить их роль и значение в структуре экзистенциального сознания Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита; 4) определить типологические особенности и философские основания культурно-философских моделей экзистенциального сознания, получивших отражение в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита.

Анализ произведений поэтов в рамках данного исследования осуществлялся преимущественно на материале их русскоязычных публикаций. Стихотворения Ш. Кудайбердиева рассматривались в переводе, тексты Э. Мижита — написанные им на русском языке благодаря его билингвальности. Следует отметить, что в процессе перевода происходит трансформация отдельных элементов поэтической формы и образности. Однако данное исследование направлено на выявление типологических и философских оснований художественного мышления, которые, как правило, сохраняются на уровне смысловых структур и концептуальных доминант и могут быть реконструированы на материале переводных текстов.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют идеи экзистенциальной психологии И. Ялома (Ялом, 2019), труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных творчеству Ш. Кудайбердиева (Аубакир, Гайнуллина, 2008; Аманиязова, 2019; Смагулова, Аубакир, Магазбеков, 2025; и др.) и Э. Мижита (Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020; Донгак, 2020; Мижит, 2022; и др.). В работе применяются философско-онтологический анализ, компаративный, семиотический и герменевтический методы, позволившие рассматривать поэтический текст как пространство осмысления индивидуального и коллективного опыта бытия.

Источниковую базу исследования составляют поэтические тексты Ш. Кудайбердиева («В какой-то год сражаясь беспощадно», «Иные вторят, что жену оставил», «В году овцы под летний зной», «Бездушным став, обрел какую пользу?», «И я уйду, навечно сгину», «О себе», «О, мой казах, слезами обольешься»)¹ и Э. Мижита («Дух мысли»², а также «На грани», «Тень», «Умирая», «Стороны», «Спасение», «Время моей земли», «Сыну Айдемиру», «Одиноко в безмолвных горах»³).

Теоретические основания исследования

Концептуальной основой для психотерапевтической системы И. Ялома стали идеи экзистенциализма. Они были заложены в трудах С. Кьеркегора (Кьеркегор, 2023), Ф. Ницше (Ницше, 2024), М. Хайдеггера (Хайдеггер, 2003), Ж.-П. Сартра (Сартр, 2025), А. Камю (Камю, 2023). Экзистенциализм акцентирует внимание на осмыслении уникальности человеческого бытия и утверждении первичности существования по отношению к сущности. Личность в рамках данной философской парадигмы понимается как изначально свободная, однако эта свобода неразрывно связана с переживаниями абсурда, тревоги, отчуждения и необходимостью ответственности за собственный выбор. Поэзия как форма художественной интроспекции обладает особыми выразительными средствами для раскрытия и передачи данных состояний.

И. Ялом в своих исследованиях сместил акцент с бессознательных конфликтов на фундаментальные данности человеческого бытия. В работах «Теория и практика групповой психотерапии» (1970), «Экзистенциальная психотерапия» (1980) он интерпретирует групповые взаимодействия как отражение экзистенциальных противоречий личности (Ялом, 2019; Ялом, Лесц, 2024).

В концепции И. Ялома выделяются четыре фундаментальные данности человеческого бытия: смертность, свобода, онтологическое одиночество и поиск смысла жизни. Они являются неизбежными и обязательными составляющими существования людей. Конфронтация с этими данностями, с одной стороны, порождает внутренний кризис личности, проявляющийся в депрессии, тревоге, одиночестве или зависимости; с другой — открывает возможность для осознания ответственности за собственную жизнь (Ялом, 2019: 9).

В процессе исследований И. Ялом обращается к художественно-публицистическим формам. Он создает так называемую «терапевтическую литературу», в которой экзистенциальный психологизм приобретает нарративное измерение. Согласно его точке зрения, осознание неизбежности смерти и сопутствующей ей неопределенности может становиться источником интенсивных страданий. Избегание данной темы нередко лежит в основе психопатологических состояний. В то же время навязчивая сосредоточенность на проблеме смерти также требует терапевтического осмысления.

Свобода, по мнению И. Ялома, предполагает признание способности человека к совершению выбора. В этом заключается основное отличие экзистенциальной психотерапии от детерминистских моделей психики. Однако осознание собственной свободы может восприниматься человеком как бремя, вызывающее у него тревогу и растерянность.

Внутриличностная изоляция проявляется в формах отчуждения субъекта от самого себя, в утрате автономии, в зависимости от внешних опор и защитных механизмов. Центральное место в бытии людей занимает проблема смысла жизни. Как утверждают исследователи, если мир не наделен объективным значением, ответственность за его обретение ложится на самого человека, что может восприниматься как непосильная задача и становиться поводом для обращения за помощью (Schnipke, MacKay, 2023: 73).

Экзистенциальная психотерапия И. Ялома объясняет как фундаментальные данности существования людей осмысляются на уровне индивидуального опыта. Акцент исследователя на внутреннем переживании, рефлексии и личностной ответственности создает методологические предпосыл-

¹ Все тексты опубликованы в издании: Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008.

² Мижит Э. Дух мысли [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/tvy/20190425/2681/dukh-mysli.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

ки для анализа онтологического опыта в художественном дискурсе. В поэзии, представляющей собой форму субъективного самовыражения автора, обращенного к собственному внутреннему опыту, данные процессы находят особое отражение, поскольку поэтическое мышление строится на интроспекции. Она выступает способом постижения экзистенциальных состояний личности и сосредоточена на внутреннем конфликте лирического «Я».

Интроспекция понимается в современной науке как метод самонаблюдения, направленный на осмысление собственных мыслей, чувств и состояний сознания¹. С данным понятием связано представление о транспарентности — прозрачности субъекта для самого себя и окружающего мира (Burne, 2018: 109; Беседин и др., 2021: 200).

Применение психотерапевтических концепций к анализу художественных текстов имеет устойчивую традицию в гуманитарных науках и связано с развитием психологического и психоаналитического литературоведения. В рамках данного подхода произведение рассматривается как форма отражения внутреннего мира личности. При этом категории психологической теории используются в качестве аналитического инструментария для постижения и объяснения смысловых и ценностных структур художественного текста. Соответственно концепция И. Ялома позволяет выстроить интерпретационную модель, основанную на выявлении в поэтическом тексте репрезентаций фундаментальных экзистенциальных данностей человеческого бытия (смерти, свободы, одиночества и смысла) и форм их переживания лирическим субъектом. Данная модель предполагает последовательный анализ образной системы, мотивной структуры и рефлексивных высказываний, на уровне которых раскрывается экзистенциальный опыт личности.

Изучение экзистенциального психологизма в поэзии требует применения методов, позволяющих анализировать внутренний мир лирического героя, его мотивацию и психологические переживания, репрезентированные в системе поэтических образов, в языке и в структуре текста (Заманская, 2001).

Концепция И. Ялома способствует пониманию особенностей мировоззрения и мировосприятия Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита. В процессе анализа их поэтических произведений идеи американского ученого используются в качестве философско-психологического инструмента интерпретации, направленного на выявление глубинных смысловых структур художественного текста.

Бессмысленность и смерть как экзистенциальные категории

Экзистенциальный психологизм в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируется как способ художественного осмысления предельных состояний человеческого существования. Он проявляется в сосредоточенности на внутреннем мире личности, в напряженной саморефлексии и в переживании утраты устойчивых смысловых опор.

Бессмысленность. Интересную трактовку данная категория получает в поэзии Ш. Кудайбердиева. Казахский писатель не ограничивается фиксацией экзистенциального кризиса. Он стремится найти и показать возможные пути смыслообразования, соединяя в своих произведениях философские размышления с этическим наставлением:

На корабле он ехал с этой мыслью,
Чтоб убедиться в пользе бескорыстной².

Категория «пользы» в данном контексте приобретает этическое содержание и становится своеобразным эквивалентом, квинтэссенцией смысла, которая побуждает лирического героя к действиям, оправдывает его поиски и усилия. Значимость человеческого существования связывается поэтом с моральной мотивированностью личности.

В стихотворении «Иные вторят, что жену оставил...» наблюдается противопоставление истинных и ложных жизненных ориентиров:

¹ Schwitzgebel E. Introspection [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/introspection/> (дата обращения: 31.10.2025).

² Кудайбердиұлы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 144.

— Одет-обут и на коне исправном.

Мне горя нет, носясь под флагом правды,

Я не стремлюсь к богатству, славе, чину,

Вглядишься с умом — предстану в прежнем здравье¹.

Отказ от внешних форм и атрибутов благополучия подчеркивает приоритет внутренней целостности и самодостаточности личности. Смысл бытия, по мнению автора, определяется не обретением материальных ценностей, а сохранением духовного здоровья, моральной и нравственной устойчивости.

Поэзия Э. Мижита строится как развернутый внутренний монолог, в котором экзистенциальные категории не декларируются, а проживаются, становясь частью психологического опыта лирического субъекта.

В стихотворении «Дух мысли» мотив бессмысленности приобретает форму предельного онтологического тупика:

В грядущем обещает только

Тупик бессмысленности гиблой...²

Будущее в данном произведении лишено ясности и открытости. Оно не имеет перспективы, не отражает движения и устремленности вперед. Эпитет «гиблой» усиливает бессмысленность бытия лирического героя, создает ощущение экзистенциальной обреченности. В стихотворении описывается кризисное состояние личности. Лирический герой утрачивает смысл жизни.

В стихотворении «На грани» тема бессмысленности раскрывается на уровне мотива утомительного и бесплодного поиска:

Устав от бесплодных

попыток поймать за хвост

ускользающих ящериц

мгновений,

прячущих во рту

прозрачные капельки смысла...³

Поиск смысла жизни в данном произведении представлен как непрерывное усилие, не приводящее к результату. Метафора ловли ящериц за хвост содержит в себе указание на невозможность обретения искомого: ящерица, сбрасывающая хвост, символизирует ускользающую сущность бытия. «Прозрачные капельки смысла» лишены материальности и устойчивости. Основная идея стихотворения заключается в иллюзорности и относительности бытия людей.

Мотив бессмысленности раскрывается в произведении на уровне онейрического времени-пространства. Лирический герой видит сон, отражающий противоречивость окружающего его мира и невозможность постижения смысла жизни:

Но и оттуда я возвращался

такой же усталый

от попыток ускользнуть

из лап кровожадных драконов

времени,

охраняющих горы и горы,

бессмысленно нагроможденных

смыслов⁴.

¹ Там же. С. 148.

² Мижит Э. Дух мысли [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/tvy/20190425/2681/dukh-mysli.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. На грани: из цикла «Сквозь себя» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Там же.

Сон не избавляет героя от экзистенциального напряжения. Он не обретает покоя и гармонии в онейрическом хронотопе. Категория времени предстает во сне героя в образе «кровожадных драконов», подчеркивающих ее разрушительный характер. «Нагроможденные смыслы» утрачивают упорядоченность и ценностную иерархию. Их образ символизирует хаотичность бытия человека. В стихотворении «На грани» бессмысленность понимается автором не как отсутствие смыслов, а как их избыток, лишенный внутреннего порядка и содержания.

Смерть. В поэзии Ш. Кудайбердиева экзистенциальные идеи переосмысливаются сквозь призму этических идеалов и ценностей. Внимание автора сосредоточено на ответственности и нравственном преображении личности в ситуации, когда она оказывается на грани жизни и смерти.

В философской лирике казахского поэта мир предстает как пространство, в котором герой проходит через испытания. Он оказывается в ситуации, когда его душа ощущает сильное смятение. Герой утрачивает привычные ориентиры.

Образ «круговерти», возникающий в стихотворении «В какой-то год, сражаясь беспомощно...», обозначает предельную жизненную ситуацию, в которой привычный порядок нарушается и человек вынужден действовать в условиях неопределенности. Он символизирует драматизм бытия людей. Оказавшись на грани жизни и смерти, человек вынужден совершать нравственный выбор.

Фраза «Ей не было спасения» раскрывает напряженность, сложность ситуации, в которой оказалась женщина. Но даже в таком положении, по мысли автора, человек может совершить благородный поступок, тем самым раскрыв свою подлинную сущность и показав свою ответственность. Экзистенциальный ужас в поэзии Ш. Кудайбердиева трансформируется в этический императив — необходимость сохранить человечность даже тогда, когда внешние обстоятельства этому препятствуют.

Экзистенциально-нравственное содержание в лирике казахского поэта приобретает категория времени. Например, в стихотворении «В году овцы под летний зной» она служит отражением состояния человека. Через время раскрывается движение жизни людей, перемены, происходящие с ними в процессе их существования:

За годы не предстал бодрей,

Лишь смерти ближе окаем¹.

Приближение к смерти в данном стихотворении трактуется автором не как движение человека к миру небытия, а как прекращение у него духовной эволюции, нравственного совершенствования. Для Ш. Кудайбердиева экзистенциальной утратой является отсутствие у личности стремления к развитию. Смерть в понимании поэта выступает не как финал человеческой жизни, а как символ нравственного опустошения, к которому приводит бесплодное и бессмысленное проживание времени. Подтверждением тому служат следующие строки из данного стихотворения:

Бездушным став, обрел какую пользу?

Отрадно было лето в чистом поле.

Уверился, что смерть необратима,

Иначе бы искал отца невольн².

Риторический вопрос отражает состояние экзистенциальной тревоги, связанной с осознанием утраты нравственного содержания жизни. «Бездушность» героя раскрывает не онтологическую пустоту, а его отчуждение от духовных и нравственных ценностей. Осознание необратимости смерти усиливает данное состояние. Оно предоставляет человеку возможность оценить свой жизненный путь.

Экзистенциальная проблематика в поэзии Ш. Кудайбердиева не сводится к утверждению абсурдности бытия. Переживание лирическим героем предельных состояний — страха, утраты, приближения смерти — становится причиной нравственного выбора и внутреннего преобразования личности. Экзистенциальные мотивы в творчестве Ш. Кудайбердиева тесно переплетаются с его этической установкой, заключающейся в том, что смысл человеческого существования определяется ответственностью за собственные поступки и духовное развитие.

¹ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 126.

² Там же. С. 134.

В поэзии Э. Мижита смерть осмысливается как неотъемлемая данность бытия людей. Она пронизывает человеческое существование и придает значимость жизни, подчеркивая ее краткосрочность, относительность и конечность. Пример тому стихотворение «Умирая»:

Умирая,
все листья,
хоть на миг,
успевают насладиться
чувством полета¹.

Смерть в понимании автора не противопоставляется жизни. Она выступает составляющей бытия. Жизнь — это миг перед неизбежной смертью, которым нужно наслаждаться. Мгновение перед исчезновением человека наделяется полнотой переживания. Чувство полета символизирует предельную свободу, достигаемую на границе бытия.

В стихотворении «Тень» смерть приобретает форму постоянного, но ускользающего присутствия:

Утром
тень смерти
была впереди
и убегала от меня².

Образ тени подчеркивает, с одной стороны, неизбежность смерти; с другой — ее неосязаемость. Она всегда присутствует в жизни человека, но остается за пределами его духовного и жизненного опыта. Поэтому людей нередко одолевают мысли о смерти:

... яростно мечется
в четырех стенах этой жизни
моя мысль о смерти...³

Данная категория становится источником внутренней тревоги человека, замкнутости его внутреннего мира. Пространство жизни редуцируется до «четырех стен», что усиливает ощущение экзистенциального плена.

Интересно противопоставление двух миров на уровне размышлений лирического героя. Рассуждая о неизбежности смерти, он пытается проникнуть в пространство инобытия и понять, что будет чувствовать и испытывать человек, оказавшийся в другом измерении.

Будет ли
также
и в смерти
неистово биться
о стекло бытия
моя мысль о жизни?...⁴

В стихотворении «Стороны» лирический герой задается риторическим вопросом о том, сможет ли он после смерти обрести покой или также будет испытывать страх, тревогу и сожалеть об утраченной жизни:

¹ Мижит Э. Умирая: из цикла «Глас тишины» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Тень: из цикла «О невыразимом» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Там же.

⁴ Там же.

Я выбирал
в какую сторону мне
мечтать и любить,
в сторону жизни,
а может смерти?...¹

В понимании автора смерть не гарантирует избавления от противоречий, одолевающих людей. Сознание человека всегда будет пытаться найти смысл за пределами бытия.

Для поэзии Э. Мижита характерна двойственность образов. Она раскрывается на уровне дуализма бытия и идеи о необходимости совершения человеком выбора. Двойственность пронизывает переживания лирического героя. Он постоянно пытается найти ответ на вопрос о сущности смерти и значимости жизни, стремится определить свое отношение к ним.

С данной темой в произведениях Э. Мижита переплетается тема любви. По мнению поэта, она способна помочь человеку преодолеть страх перед смертью. Пример тому — стихотворение «Спасение»:

Я теплой и нежной
ладонью любви
спасаюсь от холода смерти,
нетерпеливое
ожидание которой
пронзает мне кости
до самого мозга...²

В данном произведении смерть соединяется с чувством холода, любовь — с нежностью и теплом. Противопоставление углубляет психологизм стихотворения. Более того, категории смерти и любви становятся осязаемыми.

В стихотворении «Спасение» описывается опыт столкновения субъекта с бессмысленным и враждебным бытием, переживаемым им как внутренний экзистенциальный кризис, в котором акт «спасения» становится формой сопротивления абсурду:

...спасаюсь от хаоса мрака,
алчно глядящего
мне прямо в душу
черным
бессмысленным оком
с тусклым,
как у мертвеца,
зрачком — луной...³

«Я» лирического героя не созерцает мир, а испытывает чувство страха. Реагирует на угрозу. Хаос символизирует состояние бытия, в котором утрачены смысл, порядок и ориентиры. Мрак персонифицируется и несет в себе агрессию. Он заглядывает в душу героя, тем самым вторгаясь в его внутреннее пространство. Мрак отражает состояние субъекта, который не может обрести покой и гармонию. «Черное бессмысленное око» символизирует абсурдность бытия.

Интересен образ Луны. Она предстает в произведении не как романтический символ, а как отражение мертвого «Я» лирического героя.

¹ Мижит Э. Стороны: из цикла «Бездна» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Там же.

В стихотворении «Время моей земли» поэт переходит от микрокосма души к макрокосму истории. Категория смерти переплетается в данном произведении с категорией времени:

Здесь время кружится орлом
по спиралям эпох,
нанизывая на нить полета
жизни и смерти
людей и империй¹.

В стихотворении наблюдается экзистенциальное смирение перед масштабностью и безграничностью бытия. «Я» лирического героя сливается с круговоротом истории. Он предстает как часть окружающего его мира. «Время кружится орлом» — метафора, отражающая нелинейность времени. Оно предстает как некая надличностная категория, наблюдающая за людьми сверху. Человек в восприятии автора не субъекта, а объект времени. «По спиралям эпох» углубляет идею о нелинейном характере бытия людей. Данный образ отражает идею цикличности, накопления жизненного и исторического опыта. Фраза «нанизывая на нить полета» выражает мысль о том, что время не придает смысл деяниям людей, а лишь соединяет события в единую цепочку.

На уровне противопоставления «жизни и смерти, людей и империй» автор показывает одинаковую значимость судеб отдельных людей и государств. По его мнению, все оставляют свой след в истории.

Время в понимании Э. Мижита предстает как надличностная онтологическая сила, связывающая человеческие жизни и социальные события, эпохи в едином циклическом движении, в котором существование индивида оказывается включенным во всеобщее бытие.

Экзистенциальная проблематика в поэзии Ш. Кудайбердиева соотносится прежде всего с этическим измерением человеческого бытия. В своем стихотворении «В какой-то год, сражаясь беспомощно...» он пишет:

Помог он беззащитным в круговерти,
Хотя и сам был недалеко от смерти.
Вдруг женщина забегала ужасно,
Ей не было спасения, поверьте².

В данном произведении предельная ситуация, связанная с угрозой смерти, не становится объектом философской рефлексии. Она служит фоном для нравственного и благородного поступка героя. Ответственность за другого и готовность к действию, несмотря на угрожающую ему опасность, формируют этический императив, с помощью которого преодолевается хаос жизненных обстоятельств и утверждается значимость духовного выбора личности.

Таким образом, анализ категорий бессмысленности и смерти в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита показывает, что они выполняют различную мировоззренческую функцию в их произведениях. В творчестве казахского писателя переживание конечности сопряжено с нравственно-религиозным поиском и стремлением к восстановлению утраченной гармонии. Смерть выступает в понимании Ш. Кудайбердиева духовным испытанием героев. В поэзии тувинского писателя категории бессмысленности и конечности бытия приобретают более драматичный характер. Они отражают состояние онтологической тревоги и внутренней разобщенности человека с окружающим его миром.

Свобода и одиночество в структуре экзистенциального сознания

Переживание человеком бессмысленности и конечности жизни формирует кризисное основание бытия и одновременно актуализирует проблему выбора и внутренней ответственности. Эк-

¹ Мижит Э. Время моей земли: из цикла «Бусинки столетий» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 145.

зистенциальное сознание обнаруживает себя не только в столкновении с пределом, но и в акте самоопределения личности. Особое значение приобретает вопрос о способах существования человека, оказавшегося на грани жизни и смерти. В этом плане свобода и одиночество выступают ключевыми измерениями экзистенциального самоосмысления.

Свобода. Категория свободы в поэзии Э. Мижита осмысляется как внутренняя форма переживания бытия, сопряженная с тревогой, ответственностью и одиночеством человека. Она выступает своеобразным испытанием личности. Свобода в произведениях Э. Мижита обнажает человека перед лицом существования, лишая его внешних и внутренних жизненных ориентиров. Например, в стихотворении «Стороны», автор пишет:

Свобода —
это когда
не за что держаться
и не к кому идти¹.

В данном произведении свобода усиливает чувство одиночества и экзистенциальной уязвимости человека. В этом плане переживания героя сближаются с феноменом онтологической изоляции, под которой И. Ялом понимает необходимость человека самостоятельно совершать выбор, не имея возможности определить его правильность и разделить с Другим (Ялом, 2019: 300–360).

В стихотворении «Спасение» мотив свободы соединяется с идеей личной ответственности:

Никто
не придет
и не спасет.
Даже Бог
стоит в стороне,
ожидая
твоего шага².

Отстраненность образа Бога в данном произведении подчеркивает независимость человеческого существования. Спасение рассматривается автором не как дар свыше или извне, а как результат принятия личностью ответственности за собственную жизнь. Свобода переплетается в стихотворении поэта с чувством тревоги, опасения человека за собственное будущее. В этом плане авторская точка зрения соответствует экзистенциальному представлению о самотворении личности.

В стихотворении «Время моей земли» свобода осмысляется в сопряжении с историческим и коллективным опытом:

Я свободен
лишь настолько,
насколько способен
вынести
свою землю
в себе³.

В данном произведении свобода определяется способностью человека хранить память об истории и культурном наследии родной земли, нести за нее ответственность. Она подразумевает единство личностного и общественного бытия. Экзистенциальная свобода предстает в стихотворе-

¹ Мижит Э. Стороны: из цикла «Бездна» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

² Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. Время моей земли: из цикла «Бусинки столетий» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

нии напряженное удержание собственной идентичности в условиях исторической и экзистенциальной нестабильности.

В поэзии Ш. Кудайбердиева данная категория получает этическое содержание. Свобода в понимании казахского писателя является результатом нравственного выбора и ответственности человека:

Покорствуя лъстецам, с пути собьешься,
О, мой казах, слезами обольешься.
Когда и впрямь направишься к науке,
Свободы для страны своей добьешься¹.

Свобода в понимании Ш. Кудайбердиева переплетается с чувством долга, стремлением к знаниям. Она выступает условием духовной гармонии, нравственной зрелости и целостности личности.

В отличие от произведений Э. Мижита, в которых свобода сопряжена с тревогой и переживанием одиночества, в творчестве Ш. Кудайбердиева свобода приобретает характер этического императива и внутренней опоры человека.

Одиночество. Центральное место в творчестве Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита занимает тема одиночества. Она осмысливается поэтами в контексте их системы эстетических идеалов и ценностей, представлений о сущности и смысле бытия.

В стихотворениях Э. Мижита одиночество рассматривается как онтологическое состояние, возникающее в предельной близости человека к окружающему его миру и к самому себе:

Одиноко
в безмолвных горах
я бродил
и невольно вскрикнул
не в силах вынести
их тишины².

Образ «безмолвных гор» отражает безысходность ситуации, в которой оказался человек. Их молчание оказывает экзистенциальное давление на лирического героя. Тишина выступает концентрированным выражением одиночества человека, вызывая у него тревогу и страх. «Невольный крик» лирического героя подчеркивает драматический разрыв между его внутренним переживанием и внешним миром.

Тема одиночества поднимается в стихотворении Э. Мижита «Сыну Айдемиру»:

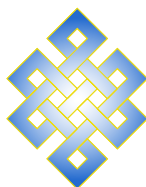
Когда-то я был одинок...
но я знал,
как знают
птица, дерево, зверь —
без знания,
что ты придешь ко мне,
сын мой...³

Появление образа сына, на первый взгляд, соотносится с мотивом преодоления одиночества через семейные узы. Однако в следующих строчках стихотворения становится очевидным, что ожидание лирического героя не устранило его экзистенциальную изоляцию, а, наоборот, усиливает ее:

¹ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 132.

² Мижит Э. Одиноко в безмолвных горах: из цикла «Границы одиночества» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

³ Мижит Э. Сыну Айдемиру: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

...я знал, что придешь
и ждал,
и от этого был
еще более одинок...¹

Такое противоречие обусловливается противопоставлением настоящего и будущего. По мысли автора, ожидающий человек переполнен переживаниями. Он одинок, поскольку сын придет в будущем, а в настоящем его нет рядом. Примечательно, что исполнение желания лирического героя, не спасает его. Он не обретает гармонию:

И вот
ты пришел,
мой сын, —
ты пришел, родной мой,
такой великой загадкой
и теперь
перед этой загадкой
я совсем один —
одинешенек...²

Одиночество трансформируется, но не исчезает. Ожидание переходит к встрече с Другим как непостижимой тайной. Образ сына выступает в стихотворении своеобразным зеркалом экзистенциальной ответственности и самопознания героя.

В стихотворении Э. Мижита «Спасение» одиночество соединяется с мотивами страха и отчаяния:

Одиночеством птицы,
улетающей вдаль,
я спасаюсь от свиста стрелы
отчаянья
с костяным наконечником
страха,
летающей — точно в цель —
в мое сердце...³

Образ птицы символизирует в произведении отдаление, дистанцию, которые в свою очередь служат причиной одиночества героя. Он подобно ей улетает, уходит от людей, что сохранить себя, свою духовную целостность и гармонию. Одиночество выступает в данном стихотворении формой защиты лирического героя от экзистенциальной угрозы.

В поэзии Ш. Кудайбердиева данная категория несет в себе более философски обобщенный характер. Она тесно связана с поиском смысла жизни и размышлениями автора о смерти:

Давно блуждает мысль во мне:
Кто произвел вселенский мир?
Душа живет ли стороне,
Когда от смерти станешь сир?⁴

¹ Там же.

² Там же.

³ Мижит Э. Спасение: из цикла «Мой одинокий зов» / Эдуард Мижит. Расколотый миг [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7795> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Кудайбердиулы Ш. Казах в зеркальном отражении: стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей: СГУ имени Шакарима, 2008. С. 125.

Фраза «блуждает мысль» раскрывает онтологическую неустроенность в сознании героя. Одиночество переживается им как утрата укорененности в мире. Его душа оказывается «в стороне», как бы вне смысла и вне целостности бытия.

Экзистенциальная изоляция усиливается в стихотворении «О себе»:

Где верный друг и где страна родная?

Имеешь ли хребет, их укрепляя?

Язык усох от жадности и чванства.

О чем жалеть изволишь, умирая?¹

В данном произведении одиночество предстает в своей предельной форме. Оно осмысляется автором как состояние человека, оказавшегося перед лицом смерти. Самоосуждение усиливает ощущение внутренней пустоты и экзистенциальной ответственности человека.

Мотив одиночества в стихотворении соединяется с переживанием относительно бессмысленности жизни героя:

Дела твои без отклика и пользы.

Бездонный мир от мыслей будет больше.

Труды мои не дали нужных всходов,

Хоть смерть с косою задержалась дольше².

Лирический герой ведет внутренний диалог с самим собой. Он оценивает свои поступки, значимость пройденного им пути. Его одиночество усугубляется бесполезностью его жизни. Признание героем бесплодности совершенных им усилий и деяний становится формой экзистенциального самоанализа.

Таким образом, рассмотрение категорий свободы и одиночества позволяет понять особенности экзистенциального сознания поэтов. В стихотворениях Ш. Кудайбердиева свобода мыслится как нравственный выбор и духовная ответственность личности. Одиночество носит более метафизический характер. Оно связано с этическим самоосуждением, размышлением о смерти и ответственности за прожитую жизнь. В произведениях Э. Мижита свобода сопряжена с драмой самоопределения. Одиночество переживается поэтом как динамическое, изменчивое состояние, возникающее даже, когда человек находится рядом с Другим и с миром. Тем самым в поэтическом мире Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируются различные модели экзистенциального самоопределения: этически центрированная и внутренне конфликтная.

Культурно-философские модели экзистенциального сознания

В поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита формируются культурно-философские модели экзистенциального сознания, основу которых составляют национальные традиции и универсальные онтологические проблемы. Несмотря на этнические и исторические различия, творчество казахского и тувинского писателей сближается на уровне внимания к причинам человеческого страдания и стремления к их осмыслению. В данном контексте анализ произведений обоих поэтов может быть соотнесен с концепцией И. Ялома, в рамках которой тревога трактуется как реакция на данности существования людей (Ялом, 2019: 20–30).

Для Ш. Кудайбердиева характерен просветительский тип философского бунта. Его поэзия формируется в русле нравственного поиска, где предельные вопросы бытия неразрывно связаны с этикой.

Казахская философия и поэзия XIX–XX вв. также насыщены экзистенциальными мотивами, которые во многом превосходят европейский экзистенциализм, однако укоренены в номадной культуре степей³. Онтологический опыт проявляется через ощущение одиночества человека в без-

¹ Там же. С. 146.

² Там же. С. 147.

³ Ким А. Групповой портрет казахского экзистенциализма [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/gruppovoy-portret-kazahskogo-ekzistentsializma/> (дата посещения: 31.10.2025).

граничной Вселенной, поиск смысла посредством выбора и ответственности, а также через противостояние абсурду жизни и смерти (Rakymzhan et al., 2022: 105).

Истоки творчества Э. Мижита восходят к шаманским текстам и рунной символике и типологически соотносятся с буддийскими представлениями о цикличности бытия. Тувинский писатель размышляет о морали, бытии и человеческой уникальности. Его поэтика в этом плане может быть соотнесена с идеями С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, А. Камю, И. Ялома. Однако данные философские основания проявляются не как прямое заимствование, а в преломлении через синкретическую систему мировосприятия писателя. Центральным мотивом его творчества становится осмысление экзистенции как «бытия-в-мире», где индивид сталкивается с абсурдом повседневности, не утрачивая своей связи с природным и космическим порядком.

В поэзии Э. Мижита жизнь предстает как фрагментированная реальность, в которой смысл не задан изначально, а конструируется в процессе рефлексии. Индивид в его творчестве — «чужой среди всех», брошенный в мир, где он сталкивается с безжалостностью социума и природы. Созданный поэтом образ соотносится с сартровской формулой «ад — это другие», но при этом сохраняет свой национально-культурный акцент: одиночество героя смягчается связью с природой и космосом.

Свобода в поэзии Э. Мижита осмысливается как бремя. Человек способен определять собственное существование, но неизбежно сталкивается с судьбой и пределами выбора. Абсурд проявляется в фрагментации мира, которому поэт сопротивляется через творчество. Сомнение не ведет к отрицанию. Оно трансформируется в этическую ответственность. Смерть мыслится как форма перехода и трансформации, сохраняя при этом потенциал экзистенциального ужаса (Мижит, 2022: 531).

Согласно точке зрения И. Ялома, осознание конечности бытия становится катализатором подлинной жизни человека, побуждая его к выбору значимых ценностей (Ялом, 2019). В поэзии Ш. Кудайбердиева мотив смерти пронизывает философскую лирику. В его творчестве она предстает как переход к высшему знанию. У Э. Мижита тема смерти приобретает более абсурдистское и урбанистическое звучание, сближаясь с традицией А. Камю. В обоих случаях образ смерти выступает источником экзистенциального озарения — момента, в котором страх порождает свободу.

По мнению И. Ялома, отчужденность и бессмысленность представляют собой фундаментальные данности, преодоление которых возможно через любовь и творчество (Ялом, 2019). Ш. Кудайбердиев решает эту проблему, синтезируя в своей поэзии восточную и западную мысль. Его творчество становится актом духовной ориентированности, в котором изоляция народа трансформируется в коллективный поиск смысла. Э. Мижит сосредоточен на личной форме отчужденности в индустриальном мире. Его тексты воспроизводят состояние «экзистенциального вакуума» в яломовском понимании: любовь предстает хрупкой связью, противостоящей абсурду, а поэзия — формой внутренней терапии.

Таким образом, в творчестве Шакарима Кудайбердиева и Эдуарда Мижита получают воплощение две культурно-философские модели экзистенциального сознания. Первая представлена в произведениях казахского писателя и соотносится с казахской картиной мира. Она основана на этически ориентированном синтезе и гармонизирующем преодолении предельных состояний (Сапашев, 2020; и др.¹). Вторая получила отражение в поэзии Э. Мижита и соотносится с тувинской картиной мира. Она основана на интроспективном переживании разрыва и поиске внутренней целостности в условиях противоречивого мира (Кенин-Лопсан, 2006; Кужугет, 2006; Ламажаа, 2018; и др.²). Данные различия отражают не только индивидуальные поэтические стратегии писателей, но и глубинные особенности национальных культурных картин мира, получивших отражение в их произведениях и описанных в современных гуманитарных исследованиях.

¹ Жанпеисова, Н. М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингвов: дисс. ... д-ра фил. н. Уфа, 2006.

² Товуу С. С. Этническая картина мира тувинцев в историческом контексте их социальной реальности : дисс. ... канд. филос. н. Улан-Удэ, 2010.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить типологические сходства и различия в интерпретации экзистенциальных проблем в поэзии Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита. Было установлено, что в творчестве казахского и тувинского писателей фундаментальные данности человеческого существования — смерть, свобода выбора, одиночество и поиск смысла жизни — выступают структурообразующими элементами поэтического мира. Они определяют особенности переживаний лирического героя. При этом способы их художественной интерпретации существенно различаются, что обусловливается национально-культурными традициями и историческим опытом.

В поэзии Ш. Кудайбердиева экзистенциальная проблематика осмысливается преимущественно в этическом измерении. Предельные вопросы бытия раскрываются через нравственный выбор, идею духовного самосовершенствования и стремление личности к гармонии, что соотносится с яломовским пониманием подлинного существования как ценностно ориентированного и ответственного.

В творчестве Э. Мижита доминирует интроспективная модель онтологического переживания. Его поэзия отражает опыт одиночества, абсурдности и тревоги, возникающих в условиях разрыва традиционных связей и трансформации культурной идентичности. Его творчество приобретает характер внутренней терапии и способа сопротивления экзистенциальной фрагментации.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что поэзия Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита представляет собой особую форму мировоззренческой рефлексии, в которой бытийный опыт человека репрезентируется не в форме систематизированного философского учения, а на уровне образности, символики и интонации лирического высказывания. Сравнительный анализ творчества казахского и тувинского писателей позволил выявить, что, несмотря на общность затронутых в произведениях обоих авторов фундаментальных экзистенциальных проблем, способы их художественного осмысления определяются национально-культурными моделями, формирующими различные типы переживания и интерпретации человеческого существования. Следовательно, творчество Ш. Кудайбердиева и Э. Мижита можно рассматривать как репрезентацию культурно обусловленных стратегий осмысления экзистенции, отражающих специфику казахской и тувинской картин мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманиязова, Б. А. (2019) Шәкәрім Құдайбердиевтің “Үш анық” шығармасының философиялық дүниетанымы [Философские основания произведения Шакарима Кудайбердиева «Три истины»] // Вестник Актыюбинского регионального университета имени К. Жубанова. № 3 (57). С. 187–193. (На каз. яз.)
- Аубакир, Ж. М., Гайнуллина, Ф. А. (2008) Творчество Шакарима Кудайбердиева и духовное бытие народа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 6. С. 17–21.
- Беседин, А. П., Волков, Д. Б., Кузнецов, А. В., Логинов, Е. В., Мерцалов, А. В. (2021) Интроспекция: современные подходы и проблемы // Эпистемиология и философия науки. Т. 58. № 2. С. 195–215. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158236>
- Валикова, О. А., Шагимгереева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Дампилова, Л. С. (2014) Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 158–163.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвальность и транскультуральные практики. Т. 7. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Заманская, В. В. (2001) Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). № 1. С. 144–160.
- Камю, А. (2023) Бунтующий человек. Миф о Сизифе / пер. с франц. Е. В. Головиной. М. : АСТ. 512 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.
- Кьеркегор, С. (2023) Или — Или / пер. с дат. П. Ганзена. М. : АСТ. 512 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Мижит, Л. С. (2022) Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 3. С. 521–532. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>

Ницше, Ф. В. (2024) По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. СПб. : Азбука. 544 с.

Сапашев, О. С. (2020) Принципы представления картины мира в казахской традиционной культуре // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия Востоковедения. № 4 (95). С. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.26577/JOS.2020.v95.i4.09>

Сартр, Ж.-П. (2025) Экзистенциализм — это гуманизм. / пер. с фр. Т. В. Чугуновой, Н. И. Полторацкой. М. : АСТ. 160 с.

Смагулов, Ж. К., Кенжебекова Ж. А. (2015) Развитие казахско-русских литературных отношений: Л. Н. Толстой и Ш. Кудайбердиев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2–1. С. 131–134.

Смагулова, А. Т., Аубакир, Ж. М., Магазбеков, Н. Ж. (2025) Текстологические и источниковедческие принципы установления аутентичных текстов поэзии Шакарима Кудайбердиева // Керуен. № 4 (89). С. 136–146. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2025.4-09>

Хайдеггер, М. (2003) Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков : Фолио. 503 с.

Ялом, И. (2019) Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М. : Класс. 576 с.

Ялом, И., Лесц, М. (2024) Групповая психотерапия / пер. с англ. С. Барковой, З. Замчук. СПб. : Питер. 624 с.

Burne, A. (2018) Transparency and Self-Knowledge. New York : Oxford University Press. 240 p.

Naghdeali, L. S., Ansari, N., Langeroodi, A. A., Parsaeipour, M. (2025) Analysis of the novel “Show Yourself to Me That I May Look at You” by Khawla Hamdi based on Irvin Yalom’s Existential Psychology Theory // Studies on Arabic Language and Literature. Vol. 16. No. 41. P. 299–336. DOI: <https://doi.org/10.22075/lasem.2025.36787.1465>

Rakymzhan, O. Shalabay, B., Zhumagulova, O., Kazhibayeva, G., Kairbekova, I. (2022) Existential Loneliness in Kazakh Literature and Modern World Literature: Cross-Cultural Insights from Metaphors and Frame-Based Analysis // International Journal of Society, Culture & Language. Vol. 10. No. 3. P. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.22034/ijsc.2022.543086.2468>

Schnipke, B., MacKay, M. (2023) Existential Issues in Psychotherapy // Innovations in clinical neuroscience. Vol. 20. No. 1–3. P. 72–75.

Дата поступления: 10.02.2026 г.

Дата принятия: 30.04.2026 г.

REFERENCES

Amaniyazova, B. A. (2019) Philosophical foundations of Shakarim Kudayberdiuly’s work “Three truths”. *Vestnik Aktyubinskogo regional’nogo universiteta imeni K. Zhubanova*, no. 3 (57), pp. 187–193. (In Russ. and Kaz.)

Aubakir, Zh. M. and Gainullina, F. A. (2008) The works of Shakarim Kudayberdi and the spiritual existence of the people. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 6, pp. 17–21. (In Russ.)

Besedin, A. P., Volkov, D. B., Kuznetsov, A. V., Loginov, E. V. and Mertsalov, A. V. (2021) Introspection: contemporary approaches and problems. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 58, no. 2, pp. 195–215. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158236>

Valikova, O. A., Shagimgereyeva, B. E. and Kulieva, Sh. A. (2020) Cosmos in logos: translingual poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16r>

Dampilova, L. S. (2014) The motif of doubleness in the poetry of Eduard Mizhit. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 158–163. (In Russ.)

Dongak, U. A. (2020) Innovation of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry). *Polilingval’nost’ i transkul’turnye praktiki*, vol. 7, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Zamanskaya, V. V. (2001) The existential type of artistic consciousness in the twentieth century. *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturnyy protsess)*, no. 1, pp. 144–160. (In Russ.)

Camus, A. (2023) *The rebel. The myth of Sisyphus*. Transl. from French by E. V. Golovina. Moscow, AST. 512 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (2006) *The spiritual culture of the Tuvans: structure and transformation*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.)

Kierkegaard, S. (2023) *Either/Or*. Transl. from Danish by P. Ganzen. Moscow, AST. 512 p. (In Russ.)

- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The national character of the Tuvans*. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 240 p. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2022) The philosophical lyrics of Eduard Mizhit. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 19, no. 3, pp. 521–532. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>
- Nietzsche, F. W. (2024) *Beyond good and evil*. Transl. from German by Yu. Antonovskiy, E. Sokolova. Saint Petersburg, Azbuka. 544 p. (In Russ.)
- Sapashev, O. S. (2020) Principles of representing the worldview in Kazakh traditional culture. *Vestnik KazNU imeni al'-Farabi. Seriya Vostokovedenie*, no. 4 (95), pp. 70–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26577/JOS.2020.v95.i4.09>
- Sartre, J.-P. (2025) *Existentialism is a humanism*. Transl. from French by T. V. Chugunova, N. I. Poltoratskaya. Moscow, AST. 160 p. (In Russ.)
- Smagulov, Zh. K. and Kenzhebekova, Zh. A. (2015) Development of Kazakh Russian literary relations: L. N. Tolstoy and Sh. Kudaiberdi. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2–1, pp. 131–134. (In Russ.)
- Smagulova, A. T., Aubakir, Zh. M. and Magazbekov, N. Zh. (2025) Textological and source-critical principles for establishing authentic texts of Shakarim Kudaiberdi's poetry. *Keruen*, no. 4 (89), pp. 136–146. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2025.4-09>
- Heidegger, M. (2003) *Being and time*. Transl. from German by V. V. Bibikhin. Kharkiv, Folio. 503 p. (In Russ.)
- Yalom, I. (2019) *Existential psychotherapy*. Transl. from English by T. S. Drabkina. Moscow, Klass. 576 p. (In Russ.)
- Yalom, I. and Leszcz, M. (2024) *Group psychotherapy*. Transl. from English by S. Barkova, Z. Zamchuk. Saint Petersburg, Piter. 624 p. (In Russ.)
- Burne, A. (2018) *Transparency and Self-Knowledge*. New York, Oxford University Press. 240 p.
- Naghdeali, L. S., Ansari, N., Langeroodi, A. A. and Parsaeipour, M. (2025) Analysis of the novel “Show Yourself to Me That I May Look at You” by Khawla Hamdi based on Irvin Yalom's Existential Psychology Theory. *Studies on Arabic Language and Literature*, vol. 16, no. 41, pp. 299–336. DOI: <https://doi.org/10.22075/lasem.2025.36787.1465>
- Rakymzhan, O. Shalabay, B., Zhumagulova, O., Kazhibayeva, G. and Kairbekova, I. (2022) Existential Loneliness in Kazakh Literature and Modern World Literature: Cross-Cultural Insights from Metaphors and Frame-Based Analysis. *International Journal of Society, Culture & Language*, vol. 10, no. 3, pp. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.22034/ijsc.2022.543086.2468>
- Schnipke, B. and MacKay, M. (2023) Existential Issues in Psychotherapy. *Innovations in clinical neuroscience*, vol. 20, no. 1–3, pp. 72–75.

Submission date: 10.02.2026.

Acceptance date: 30.04.2026.